

МЕТЕЛЬ КАК МИФОЛОГЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К.В. Луженкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; morjvalera@yandex.ru

Аннотация: Образ метели в русской литературе выходит за рамки обыкновенного пейзажа, особенности художественного пространства, фона для развития сюжета. На протяжении двух столетий складывается комплекс мотивов, устойчивых образных и композиционных структур, сопутствующих созданию «метельной мифологемы». Авторы XIX–XXI вв. формируют традицию воплощения образа, помещая ее в центр образной системы, вынося слово «метель» в заглавие (например, стихотворение П.А. Вяземского (1828), повесть Пушкина (1830), рассказ В.А. Соллогуба (1849), рассказ Л. Толстого (1856), роман Г.И. Чулкова (1917), рассказ И.А. Новикова (1918), повесть В.Г. Со-рокина (2010)). Каждый автор, выбирая такое название, преднамеренно или неосознанно встраивает произведение в ряд уже воплощенных вариаций мотива. В предлагаемой статье делается попытка доказать, что образ метели в русской литературе имеет статус мифологемы; анализируется многообразие воплощения образа и способов его трактовки.

Статья включает анализ «метельного мотива», варьирующегося в зависимости от жанра, художественно-философского направления и исторической эпохи. Прослеживается аллюзивная связь между произведениями, включенными в «метельную» парадигму: изучая произведения в хронологической последовательности, можно определить влияние предшественника на последователя на фонологическом, лексическом, композиционном уровнях.

Ключевые слова: метель; мифологема; вариация мотива

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-3

Для цитирования: Луженкова К.В. Метель как мифологема в русской литературе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 37–47.

BLIZZARD AS A MYTHOLOGEM IN RUSSIAN LITERATURE

K. Luzhenkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; morjvalera@yandex.ru

Abstract: The image of a blizzard goes beyond the scope of the ordinary landscape in Russian literature. It transcends the characteristic of an artistic space and the background for the plot development. The complex of motifs, established images

and compositional systems which accompany the creation of the “blizzard” mythologem were being formed over the last two centuries. The authors of the 19th–21st centuries form the tradition of reflecting the image of “blizzard” putting it in the title of the work and in the center of the image system.

We can identify at least seven works with the identical title “Blizzard”: a poem by P. Vyazemsky (1828), a story by A. Pushkin (1830), a short story by V. Sollogub (1849), a short story by L. Tolstoy (1856), a novel by G.I. Chulkov (1917), a story by I.A. Novikov (1918), a novella by V. Sorokin (2010). Each author, choosing the title “Blizzard”, deliberately or unconsciously builds the work into a chain-like series of already embodied variations of the motif, absorbs the literary experience of his predecessors, bases his modification on allusions and reminiscences. The aim of the paper is to prove the status of mythologem for the image of snowstorm in Russian literature, as well as to analyze the variety of embodiment of the image and ways of its interpretation.

The number of works analyzed is due to the limitation of the overall scope of the work. The article includes the analysis of several variations of the “blizzard” motif depending on genre, artistic and philosophical trend or historical epoch. Moreover, there is an allusive connection between the literary materials included in the “blizzard” paradigm. Studying the literary materials in chronological sequence, one can distinguish the influence of the predecessor on the follower on the phonological, lexical, and compositional levels.

Keywords: blizzard; mythologem; variations of motif

For citation: Luzhenkova K. (2025) Blizzard as a Mythologem in Russian Literature. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 37–47.

В русской литературе в течение двух столетий формируется тематическая и образная «парадигма»: образ метели, снежной бури, мотив дезориентации в пространстве модифицируются в зависимости от жанра, исторического контекста, художественно-филологического направления.

Начнем описание формирования традиции со стихотворения П. Вяземского «Метель» (1828). В первой строке происходит деформация гармоничного художественного мира. Четырехстопный ямб неравномерно разбит антитезой: пейзаж благоденствия (один икт) мгновенно сменяется хаосом (три икта): «День светит; / вдруг не видно зги...» Образ метели сопряжен с потерей света. Звучит апокалиптический мотив, мир переворачивается, земля вздымается ввысь, а небеса ниспадают: «На землю облака сошли», все живое гибнет. «И завивается в круги», — слово «круги» символично замыкает катрен кольцевой рифмой, создается ощущение закольцованного вечного хаоса. Примечательно, что слово «метель» вынесено в заглавие, но ни разу не упоминается в тексте стихотворения. Образ воплощен имплицитно, в том числе на фонетическом уровне: «Снег

сверху бьет, снег веет снизу». Завывание ветра выражено в аллитерации — повторе щелевых зубных.

Смысловой центр из внешнего мира переносится в сознание лирического субъекта, пространство стремительно сжимается: «Компас не в помощь, ни кормило: / Чутье заглохло и застыло / И в ямшике и в лошадах», — метель выступает мистической силой, с которой человеку не совладать. «Тут выскочит проказник леший», — снежный вихрь и тьма связаны с нечистой силой, человеческий разум не способен ей противостоять. В завывании ветра грезятся звуки мирной жизни, бытовой гармонии: «Там колокольчик где-то бряк, / Тут добрый человек аукнет...». Звуковые образы сменяют друг друга стремительно, образуя эффект полифонии. «И Божий мир стал снежный шар», — мир пустеет, утрачивает жизнь под воздействием стихии. Мотив потери ориентиров сопряжен с мотивом поиска духовного оплота. Человек ищет укрытия и не находит его: «Кибитка на бок — и в овраг. / Ночлег и тихий и с простором...». Уже в стихотворении Вяземского тема метели включает компоненты, которые окажутся устойчивыми в дальнейшей традиции: погружение во тьму, потеря ориентира, апокалиптический образ перевернутого мира, противопоставление внешнего (бушующей стихии) и внутреннего (спасительной обители) миров, появление «нечисти».

В «Бесах» Пушкина (1829–1830) лирический герой наблюдает виновников метели: «Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны... / Сколько их! куда их гонят? / Что так жалобно поют? / Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают?» Нечисть становится не столько враждебной для героя, сколько чуждой всему человеческому силой. Ю.М. Лотман пишет о художественном мире Пушкина: «...загробные выходцы появляются в момент катастрофы и, переходя “недоступную черту”, оказываются в чуждом им пространстве» [Лотман 2003: 814–820].

В пушкинской повести «Метель» (1830) заглавный образ предопределяет развитие любовной линии Бурмина и Марьи Гавриловны. Изначально Марья Гавриловна и Владимир противостоят стихии, желая обвенчаться против родительской воли. Но метель подменяет жениха, «обещает» Марью Гавриловну другому. Сюжет «Метели» зеркально отображает события в балладе Жуковского «Светлана». Неслучайно Пушкин цитирует балладу в эпиграфе. Ведомая метелью, невеста спешит к алтарю («Светлана»), или жених увлечен метелью на обряд венчания («Метель»). Невеста оставлена женихом и хочет вернуть его, поэтому в метель отправляется в путь, или невеста ждет жениха у алтаря, но метель не дает свершиться таинству, и героиня теряет жениха.

Ю.М. Лотман писал о двухуровневой системе пушкинского художественного мира: «Силы стихии, расположенные за чертой мира культуры, памяти, творческих созданий человека, появляются в поле зрения: а) в момент катастрофы; б) <...> вторгаясь в культурное пространство созданных человеком предметов» [Лотман 2003: 814–820]. Метель в повести Белкина предотвращает катастрофу, вторгаясь в человеческий быт. Ее участие в судьбе героев неоспоримо, она исполняет волю высших сил: «...вдруг поднялась ужасная метель, <...> непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал». Автор намекает читателю на некую силу извне, которая подчиняет волю героя.

Н.П. Жилина находит в повести «Метель» отражение библейской притчи о блудном сыне: Марья Гавриловна решается на побег и тайное венчание без родительского благословения. Но метель переламывает судьбу героини, наставляет ее на путь подчинения родительской воле, создается «новый человек», который впоследствии вознагражден за смирение [Жилина 2009]. А.В. Харитонов сопоставляет Марью Гавриловну с ветхозаветной Руфью, которая последовала за свекровью, неустанно смиренно трудилась и снискала Божье благословение [Харитонов 2020]. Метель в пушкинской коллизии — праведная сила, указывающая верный духовный путь: Марья Гавриловна по воле стихии избавлена от грехопадения, исполняет родительскую волю и вознаграждена.

В. Соллогуб в примечании к своему рассказу «Метель» 1849 г. пишет: «Пушкин написал повесть под заглавием “Метель”. Я не посмел изменить принятого им правописания». В действительности Пушкин употреблял оба варианта написания («метель» и «мятель»), но при издании повести был использован вариант «метель». Однако примечание гарантирует аллюзию к одноименной повести Белкина. Образ метели связывается у Соллогуба с мотивом осмысления прожитого. Бесцветное, бескрайнее пространство заснеженного поля благоприятствует погружению в глубины сознания. Гвардейский офицер вспоминает о тщетно прожитых годах в Петербурге, о ложных переживаниях, фальшивых откровениях. Холодная стихия сравнивается с миром людей: «...из этого вихря тревоги и тщеславия он не вынес ни одного отрадного чувства, которое теплилось, как бы лампада». Герой ищет спасения от вьюги — на бытовом уровне, от фальши петербургского мира — на метафорическом.

У Соллогуба образ пристанища, спасающего от вьюги, коррелирует с пусть даже мимолетным обретением духовного оплота. «В маленькой и душной комнате» офицер вынужден провести ночь. Среди его спутников — молодая девушка, сопровождающая престарелую помещицу, которая «охала, шептала молитву и шла, то есть

едва передвигала ноги... поддерживаемая <...> молодой женщиной». На уровне системы героев вновь угадывается библейский сюжет: черноглазая девушка с правильными чертами, заботящаяся о немощной старушке, — новая вариация истории о Руфи, которая ухаживает за престарелой свекровью Ноеминью и за праведничество взята в жены богатым землевладельцем. Выстраивается схема: испытание — послушание — замужество. В вариации Соллогуба происходят композиционные изменения: замужество — испытание — послушание. Девушка выдана замуж, спасается от деревенской скуки за чтением; встреча с офицером для нее — яркое впечатление среди будней. Подобно Руфи, героиня не идет против воли старшего, сохраняет верность супругу. Но Соллогуб будто бы переосмысляет библейский финал: можно ли назвать благодатной судьбу героини, отказавшейся от любви?

Схожий нравственный конфликт (чувства замужней дамы к молодому любовнику, возможность грехопадения) лежит в основе «Анны Карениной». Анна сидит морозной ночью в вагоне и, подобно соллогубовскому офицеру, осмысляет прошедшее. Метель, как в стихотворении Вяземского, выражена здесь в полифоничном образе: «...та же тряска с постукиваньем, тот же снег в окно, те же быстрые переходы от парового жара к холоду и опять к жару, то же мелькание тех же лиц в полумраке и те же голоса...». Анна видит сон — маленького бородатого мужичка, закутанного от мороза. К.А. Нагина указывает на «любопытную деталь в образе смерти, рожденном поэтической фантазией древних славян: <...> Господь, поручив архангелу Гавриилу уносить души усопших, как гласит народное предание, собственноручно завязал ему уши, чтобы тот не слышал плача расстающихся с жизнью людей. В романе “Анна Каренина”... буря/метель есть символ неотвратимой расплаты за грешную страсть» [Нагина 2010: 12–20].

Образ России обладает рядом имагологических атрибутов: глухие леса, бескрайние степи и суровые морозные зимы. Своеобразие ландшафта и географического положения обретают глобальное социокультурное значение, влияют на исторические процессы, на формирование русского менталитета. Так, В. Кюхельбекер в романе «Последний Колонна» (1845 г.) отмечает влияние метели на характер русского человека: «Русские окружены природою безотрадною, немолимою, грозною; вот почему иногда испуганное воображение поневоле увлекает их в пространства безбрежные, нерассветные, в хаос, уму не доступный... на них дышит мороз жестокий; их взор блуждает по снеговым сугробам, им в лицо хлещет вьюга». Метель становится эмблемой русского быта, вечным «отягощающим обстоятельством» для физического труда или, напротив, средой, благо-

приятной для философских размышлений. Когда пропадает мир вокруг, у человека остается лишь он сам: прожитые им годы, обдуманные им мысли.

В 1856 году Л. Толстой создает новеллу «Метель», своеобразную нравственную Одиссею. Метель Толстого своевольно деформирует художественное пространство: границы расширяются, цветовая гамма светлеет: «...нос и щеки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха... горизонт значительно расширился, черное низкое небо вдруг исчезло». Образ, созданный Толстым, полифоничен: «слышались снова среди однообразного свистения ветра ловкое, звучное покрикивание и звучание колокольчиков, <...> из вторых саней всякий раз слышался бойкий, самоуверенный голос одного из ямщиков». К.А. Нагина подмечает сходство работника железной дороги в «Анне Карениной» и ямщика, к которому не питает доверия герой «Метели»: «... не доверял я ему почему-то за то, что у него уши были подвязаны платком». Ямщик — будто бы посыльный смерти, глухой к мольбам умирающих. Метель гипнотизирует героя однообразием пейзажа, читатель вместе с героем погружается в глубины подсознательного. Герою снится летний день. Несмотря на правдоподобие пейзажа (солнечные лучи, березовую аллею, гладь пруда), в искаженной сном реальности наблюдается нечто противоестественное: крестьяне толпятся возле пруда, но никто не может вытащить утопленника. Мимо безмятежно проходит тетушка героя в лиловом туалете. Стук валька во сне плавно перетекает в звон дорожного колокольчика.

В минуты пробуждения герой анализирует опасность своего положения. Он рискует замерзнуть в метельной степи, и тогда его ждет неминуемая гибель. Но странная мысль посещает героя: «...хотя я и боялся немного, желание, чтобы с нами случилось что-нибудь необыкновенное, несколько трагическое, было во мне сильнее маленькой боязни». Эта мимолетная мысль выдает сложность характера. Герой жаждет оказаться в исключительной ситуации, пусть даже принеся в жертву собственное существование и чужие жизни. Так мотив метели выявляет всепоглощающую тоску, духовный голод, мечтательность, отчаянную жажду новизны, событий — основные черты национального характера.

Рассказ И.А. Новикова «Метель» (1918) раскрывает национальный характер с особой стороны. Противопоставляются «прирожденный литвин», расчетливый теоретик Свирклис, и русский студент-романтик Ваня Ермолин. По мнению Свирклиса, некоторые люди сотворены «в половину натуральной своей величины», не способны реализовать заложенных возможностей. Этой духовной (и физиче-

ской) половинчатостью Ермолина Свирклис объясняет, почему Верочка Бешенцева предпочитает инженера Полунина.

Метель — это явление метафизическое, смятение чувств, буря страсти: «...изумителен тот магнетический жар в разгоряченной крови человека, что и на свежем морозе, преодолевая и грубые ткани сукна, <...> стремится навстречу другому такому же току и расплавляет два тела в одно...». Подобную гамму чувств испытывает Верочка, незаметно касаясь Полунина. Впервые метель воспроизводится не столько визуально, аудиально, сколько осязаемо и в запахе. Страсть пробуждается в героях, когда они слышат аромат Верочкиных духов. Художественный мир Новикова состоит из физиологичных, чувственных образов. Новиков оксюморонно рисует стихию: метель обжигает, Верочка испытывает «ветровой быстрый и дерзкий ожог, похожий на озорной поцелуй». Это сравнение предвосхищает финал. Примечательно ритмическое построение финального фрагмента: «...лениво к окну подойдя / и отодвинув портьеру, / он безразлично подумал, / что бы это горело? / Зарево было огромным, / исполненным быстро летящего снега...» Сознательная поэтизация придает особый пафос эпизоду пожара.

Метель — сила провидения, помогающая герою обрести мимолетное счастье. Именно в сиюминутном упоении чувством проследживается аллюзия, столь явно маркированная в эпиграфе (в качестве эпиграфа Новиков берет примечание В. Соллогуба к «Метели»). Гвардейский офицер и его черноглазая спутница черпали счастье в мгновении, которое даровала им метель. Ваню Ермолина выводит на воздух Верочка, пространство вокруг героев расширяется, пропадает затхлость. Происходит объяснение, состоящее из недосказанностей. Ваня просит Верочку о поцелуе. Верочка, отданная другому, идет на преступление. Подобно героине Соллогуба, Верочка осознает исключительность, искренность чувства, неповторимость волшебного мгновения. Она не будет счастлива с другим, но жребий брошен.

Ваня чист, его искренняя натура не выдерживает греховной страсти, и из ее губительного огня герой спасается. Ваня погибает, спасая жениха возлюбленной: «...вьюги его отшумели, как, впрочем, и там, за пределами комнаты». Ермолин пережил эмоциональный пик — добился поцелуя любимой, и его жизнь обрывается, не запятнанная пороком. Свирклис признает: «...маленький этот человек, безмолвно лежащий, с переломом ноги и разорвавшимся сердцем... должен он быть большего роста, чем мы, для новых и вьюжных ветров остающиеся». Метельный мотив в истории Вани Ермолина отобразил иные стороны национального характера: мечта о высоком, категоричность и непримиримость, духовная стойкость.

В символистском романе Г. Чулкова «Метель» выстраивается образ холодного, враждебного, погрязшего в пороках Петербурга. Сусликов проповедует сакральную ценность брачного ложа. Аврорина отстаивает теософские идеи. Князь Нерадов склонен к оккультным практикам. Карикатурно изображены русские футуристы (слово «какумей» напоминает «заумь» Хлебникова). Чулков создает памфлет на петербургскую действительность и обнажает греховность столичного мира. Сусликов — сластолюбец. Аврорину раздает любопытство. Князь Нерадов соблазняет 13-летних сирот.

Чулков четко формулирует основной сюжетный конфликт: «...наряду с довольно низкими и темными страстями... пробудилась напряженная и подлинная жажда чистоты». Оплотом нравственности становится молодое поколение — дети падших отцов. Танечка Полянова и молодой князь Игорь Нерадов испытывают взаимную симпатию, не подозревая, что являются братом и сестрой. Игорь Нерадов наследует от отца тягу к греху и даже дает имя своему пороку — «тявлик»: «Когда князь ощущал в себе этого зверька, он как бы сходил с ума и не мог за себя поручиться». Возникает ассоциация с «Недотыкомкой серой» Сологуба. Татьяна же изначально почти свята: «...можно было бы, пожалуй, писать с нее Мадонну в стиле и духе какого-нибудь раннего итальянского мастера». Игорь — плод взаимной любви, рожден в браке. Появление на свет Татьяны — результат обмана, «гипноза»: Нерадов обольщает Анну Николаевну. Но Анна Николаевна предстает в романе героиней-юродивой, походит на Хромоножку Достоевского. Героиня блаженна, а значит, близка к Богу, и вымаливает прощение для дочери.

Метель в романе Чулкова — потусторонняя сила, несущая разрушение, катастрофу. Метель проникает в кабинет князя в образе призрака — заблудшей души несчастного художника Полянова, всю жизнь жившего в обмане: «Князю стало холодно. Ему почудилось, что метель ворвалась в дом. И в самом деле свечи в канделябрах мгновенно погасли». Метель в романе Чулкова — своеобразная контаминация предшествующих «метелей». Как в рассказе Толстого, звучит мотив сна, искажения реальности: «Теперь он знал, что метель — колдунья. Она живет за лесом в большой белой избе. У нее много дочерей». Как в произведении Соллогуба, герои находят пристанище, чтобы переждать вьюгу. Подобно Метели Вяземского, метель Чулкова — мистический образ. Как в «Анне Карениной», метель Чулкова многоголосо: «И казалось, что любой мотив подходит к голосу вьюги. Князь насвистывал то из Кармен, то из Игоря»; это фатальная сила, которая воздаст за грехи. Князь, увидев в последнем своем пристанище рыжую сироту, которую когда-то сохранил, понимает, что от грехов не спрятаться в теплом доме, и до-

бровольно идет навстречу разрушительной силе метели, искупая свои грехи жизнью. Метель принимает жертву и выступает в роли providения: княгиня случайно успевает на обряд венчания и прерывает его. Катастрофа предотвращена.

В 2010 году в «метельную» парадигму встраивается произведение Владимира Сорокина. Цель писателя — реализовать «метельный код», охватив в аллюзивном ряду максимально широкий спектр произведений отечественной культуры в поиске национальной идентичности. «Метель» Сорокина уникальна, поскольку являет новую комбинацию устоявшихся мотивов, сюжетов, эмблем и, соответственно, приобретает новые смысловые пласты.

В центре повествования — доктор Гарин (анаграмма фамилии Рагин — главный герой «Палаты № 6»). Чеховский доктор отчаивается изменить мироустройство: не лечит больных, потому что рано или поздно они все равно умрут. По мнению исследователя Е.А. Полевой, доктор Гарин также озабочен экзистенциальной проблематикой: «...человек может спасти людей или хотя бы самого себя от физической смерти и от своей низкой человеческой сущности, предопределяющей искушение и отступление от намеченной цели, собственных принципов?» [Полева 2017: 226–234]. Доктор вынужденно отправляется в Долгое (от слов «долг»/«длительный»/«далее»), чтобы спасти местных жителей от зомби-эпидемии из Боливии, исполнить долг. Но то обстоятельства извне мешают Гарину достичь цели (сломанный самокат, замеченная снегом дорога), то сам доктор пренебрегает долгом, потакая слабостям (ночь, проведенная с мельничихой, промедление у витаминдеров).

Образная система «Метели» Сорокина сближает ее с одноименным рассказом Толстого. В основе сюжета — взаимодействие героя и ямщика в пути, конфликт между стихией и человеком; барин беспомощен без слуги, слуга нерасторопен, но обоим гибелью грозит вьюга в русской степи. В повести Сорокина метель не действующая сила с высшим предназначением, а объективное внешнее обстоятельство, пространство, в котором существуют герои. Для рефлексии и искажения сознания Гарину требуется средство извне — прозрачная пирамидка, новый продукт витаминдеров. Гарин переносится в пространство сна и присутствует на собственной казни. Перхуша похож на юродивого (персонажи-юродивые были важны для Толстого): он блаженно улыбается, сносит обиды от барина, до странствия по заснеженной пустыне работает хлебовозом, что отсылает к евхаристии — таинству освящения хлеба [Завьялова 2015]. Именно в «Метели» Толстого встречается яркая деталь — массивные ноги ямщика, на которые обращает внимание герой-повествователь. Во сне героя Толстого возникает образ бабочки; бабочка снится перед

смертью и Перхуше у Сорокина: «...сердце у Козьмы начинает трепетать, как ее крылья... он ни за что ее не отпустит, он хватает ее за толстые шелковистые ноги, она поет, взмахивает крыльями и вылетает в горящее окно, выносит Козьму в огненное окно, руки Козьмы срстаются с ногами бабочки, кости его соединяются с ее костями, кости его поют вместе с бабочкой, это песня новой жизни, песня окончательного счастья, песня великой радости, они поют, а она выносит его в бесконечное огненное окно...». Бабочка — это душа умирающего Перхуши, отлетающая прочь. Перхуше снится пожар, горящий дом. Этот образ противопоставляется холоду метельной пустыни. Подобная антитеза была и у Толстого: его герою, странствующему по бескрайней заснеженной степи, снился летний день.

Финал «Метели» Сорокина открытый, череда испытаний на пути доктора еще не прервалась; так у Сорокина реализуются мотивы странствия, утоления духовного голода, поиска оплота, искажения сознания.

Итак, метель — это мифологема русской культуры, комплекс мотивов, сюжетов, образных систем и художественных форм, устойчивый, но непрестанно дополняющийся. Мотив метели сопряжен с мотивами скитаний, в том числе и нравственных, гибели, перехода на иной уровень сознания, он связывается с проявлением важнейших национальных черт: способностью испытывать тоску, жадой утоления духовного голода, жадой события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилина Н.П. Творчество А.С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты: монография. Калининград, 2009.
2. Завьялова Е.Е. Интеллигент и божий человек из будущего: о главных героях в повести Сорокина «Метель» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 19–23.
3. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2003.
4. Нагина К.А. «Метель-страсть» и «Метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 4. С. 12–20.
5. Полева Е.А. Сотериологическая проблематика в повести В. Сорокина «Метель» // Вестник ТГПУ. 2017. № 11 (188). С. 226–234.
6. Харитонова А.В. Библейский сюжетный архетип в повести А.С. Пушкина «Метель» // Культура и образование. 2020. № 3 (38). С. 68–76.

REFERENCES

1. Zhilina N.P. *Tvorchestvo A.S. Pushkina v kontekste khristianskoi aksiologii: ontologicheskii i antropologicheskii aspekty: monografiya* [Pushkin's work in the context of Christian axiology: ontological and anthropological aspects: monograph]. Kaliningrad, *Izd-vo RGU im. I. Kanta*, 2009. 311 p.

2. Zav'yalova E.E. Intelligent i bozhii chelovek iz budushchego: o glavnykh geroyakh v povesti Sorokina «Metel'» [Intellectual and God's man from the future: about the main characters in Sorokin's story "Blizzard"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, 397, pp. 19–23. (In Russ.)
3. Lotman Yu.M. *Pushkin. Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki 1960–1990. «Evgenii Onegin». Kommentarii* [Pushkin. The writer's biography. Articles and notes 1960–1990. «Eugene Onegin». Commentary]/ Saint-Petersburg, *Iskusstvo-SPB*, 2003. 848 p.
4. Nagina K.A. «Metel'-strast'» i «Metel'-sud'ba» v russkoi literature XIX stoletiya [«Blizzard-passion» and «blizzard-fate» in Russian literature of the XIX century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2010, 4, pp. 12–20. (In Russ.)
5. Poleva E.A. Soteriologicheskaya problematika v povesti V. Sorokina «Metel'» [Soteriological problematics in V. Sorokin's story "Blizzard"]. *Vestnik TSPU*, 2017, 11 (188), pp. 226–234.
6. Kharitonova A.V. Bibleiskii syuzhetnyi arkhetyip v povesti A.S. Pushkina «Metel'» [Biblical archetype of the plot in the novella «Blizzard» by A. Pushkin]. *Kul'tura i obrazovanie*, 2020, 38, 3, pp. 68–76. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.02.2023

Принята к публикации 02.09.2023

Отредактирована 01.12.2024

Received 02.02.2023

Accepted 02.09.2023

Revised 01.12.2024

ОБ АВТОРЕ

Луженкова Ксения Валерьевна — магистр кафедры телевидения Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова; morjvalera@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Luzhenkova — MA, Department of Television, High School of Television, Lomonosov Moscow State University; morjvalera@yandex.ru